

кі, арфаграфіі, лексічных пластоў. Такая інфармацыя можа стаць карыснай пры тлумачэнні гістарычных працэсаў у граматыцы і лексіцы ў групах гуманітарнага профілю. Адначасова наяўны ў тлумачальных слоўніках пэўнай мовы гісторыка-этнаграфічны і лінгвакультуралагічны матэрыял можна выкарыстоўваць пры навучанні гэтай мове, а таксама ўключаць у занятыя фрагменты гісторыі, літаратуры, этнаграфіі і культурнай спадчыны народа (народаў), якія гавораць на гэтай мове.

Асаблівую ўвагу пры навучанні пэўнай нацыянальнай мове варта надаваць лінгвакраіназнаўчым слоўнікам, якія маюць выражаную лінгвадыдактычную накіраванасць, паколькі пры дапамозе лексіка-фразеалагічнага матэрыялу дэманструюць рэаліі побыту, канфесійнага жыцця, гісторыі, эканомікі, геаграфічныя аб'екты мясцовасці і жыхароў, якія на ёй жывуць. З этналінгвістычнага пункту гледжання ў лінгвакраіназнаўчых слоўніках трэба звяртаць увагу на ўласныя імёны, устойлівыя словаспалучэнні, парэміі, фразеалагічныя адзінкі, крылатыя выразы класікаў нацыянальнай літаратуры.

Такім чынам, зварот да названых параметраў разнастайных шматаспектных лексікаграфічных крыніц фарміруе лінгвакультуралагічную кампетэнцыю, запатрабаваную ў сучаснай лінгвадыдактыцы. Выкарыстанне этналінгвістычных рэсурсаў слоўнікаў пры навучанні замежнай мове не проста забяспечвае навучэнцам авалоданне новымі спосабамі камунікацыі, але і дае магчымасць даведацца пра іншую нацыянальную культуру, далучыцца да велізарнага духоўнага багацця, якое захоўвае мова.

Дарэчнае выкарыстанне лексікаграфічных рэсурсаў раскрывае значныя дыдактычныя магчымасці слоўнікаў пры засваенні нацыянальна маркіраванай лексікі. Адностраванне дынамікі актыўнага і пасіўнага слоўнікавага складу, спецыяльнай, тэрміналагічнай лексікі як часткі літаратурнай мовы, тлумачэнне фонавых і безэквівалентных моўных адзінак, нацыянальная ідыяматыка і парэміялогія – усе гэтыя аспекты выяўляюць этналінгвістычны падыход да навучання замежнай мове, што і вылучае лексікаграфію як важную крыніцу і кампанент лінгвадыдактыкі.

Бібліяграфічны спіс

1. Токарева, И. И. Этнолингвистика и этнография общения / И. И. Токарева ; Минск. гос. лингвист. ун-т ; под ред. Ф. А. Литвина. - Минск, 2001. - 244 с.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РЕЧЕВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА РОДИНА

З. О. Каримова (Джизак, Узбекистан)

Новые явления в речевой реализации концепта РОДИНА связаны с расширением сочетаемости воплощающих его слов в речи, в результате чего возникают смысловые преобразования их значений, не зафиксированные в словарях. Как правило, это связано с метафорическим переосмыслением концепта – см., например, представление Родина как товара в следующем контексте из НКРЯ: Для многих из нынешней правящей элиты родина – товар [«Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» (2004) // «Жизнь национальностей», 16.06.2004].

Далее мы рассмотрим только два типа сочетаний – атрибутивные сочетания по модели «прил. + сущ.» и генитивные сочетания по модели «сущ. + сущ. в род. пад.».

Атрибутивные сочетания со словом Родина демонстрируют, какой представляется Родина носителям современного русского языка, какие признаки и свойства открываются ими в этом понятии.

Нестандартные сочетания слова Родина с относительными прилагательными выражают семантически емкие метафорические смыслы, обогащающие представление о Родине. Так, Родина может быть деревянной: Где-то есть деревянная родина с заброшенными могилами бабушки с дедушкой и отца, которым уже ни от кого не услышать наследный шепоток – все разъехались [В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)] (имеется в виду деревня, где родился говорящий, с деревянными домами); захолустной: Этот город – как будто бы моя небесная, но слегка захолустная родина; иные мои небесные родины вряд ли настану [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2009] (имеется в виду провинциальное расположение малой родины говорящего), и даже виртуальной: Виртуальная родина меняется тут на виртуальный уровень – эка важность [Андрей Пермяков. Иная мелодия // «Волга», 2012] (имеется в виду то, что Родина – для говорящего в каком-то аспекте не признается настоящей).

Однако наибольшее разнообразие нестандартной атрибуции Родины имеется в сочетаниях с качественными прилагательными. В этих случаях встречаются примеры «языковой игры», употребления стилистических фигур, например, фигуры тавтологии: И чем дольше пребываешь на чужбине (пусть даже ставшей второй родиной, пусть даже любимой не меньше) – тем будто сильнее выкристаллизовывается, высвечивается «родная» родина, выстраивается в каком-то другом измерении, куда ни самолеты не летают, ни поезда не ходят... [Анастасия Андреева. Трилистники вневремени // «Волга», 2016].

Ряд контекстов выражает идею о непознаваемости путей родной земли или страны для говорящего: Не исключено, что отсюда и тоска, тут ее, так сказать, необъятная, непостижимая родина [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011]; Неведомая родина дышала у меня под окнами квартиры, великая пустошь тянулась тысячами миль под крылом самолета, и я жил на грани, с глазу на глаз с этой привольной и беспросветной, изящной и грубой, жестокой и слезливой страной... [Александр Иличевский. Перс (2009)]; Судя по всему, загадочная родина предков не обманула ожиданий заморского гостя и пришлась ему по душе... [Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002].

В ряде контекстов указывается:

– на большие размеры родного пространства: Нынче в словесности наплодилось так много сомнительных классиков, так часто их поминали и возносили, что я уже привык в провинции к мысли, будто они только и правят миром и будто им одним и обязана благодарностью просторная Родина [В. Лихоносков. Люблю тебя светло (1968)];

– на ее приверженность отжившим традициям: Традиционно спокойная и консервативная Родина за это немного недолюбливает нас [Как я провел лето (1997) // «Столица», 15.07.1997];

– на ее соответствие норме, с точки зрения говорящего, идеалам говорящего: Просто-напросто настал момент, когда стало ясно, что у меня есть не просто одна из советских республик, а настоящая Родина, которая скоро будет независимой и полностью свободной [А. А. Бушков. Ближе, бандерлоги! (2016)].

Во всех этих случаях наводятся экспрессивно-оценочные коннотации имплицитного типа. Но в большинстве примеров нестандартной сочетаемости слова Родина с качественными прилагательными оценочность выражается напрямую. Так, Родина может переосмысляться как носитель чувств, в норме присущих человеческому существу: И зажила наша незлобивая родина по законам зоны [А. А. Уткин. Крепость сомнения (2010)].

Во многих случаях Родина оказывается выразителем чувства грусти, печали, жалости: Впрочем, Европа в любом случае гораздо более цивилизована, чем наша могучая и печальная Родина [Юлия Кантор. Лев Додин: «Жизнь – это репетиция» (2002) // «Известия», 14.04.2002]; Отраднее знать, что большой мир все-таки есть, чахлая Родина его не отменила; к тому же там, где культура прогрессивная, и бытовые условия лучше [М. К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)]; – Теперь, когда наша несчастная родина переживает исторический момент, мы обязаны нанести противнику сокрушительный удар [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)]; Моя бедная родина – тонут ее корабли, // Ее гибельный код

мы, увы, набираем исправно [Лев Аннинский. Десять лет, которые растрясали мир (1999) // «Дружба народов», 15.06.1999]; В России любили и любят обездоленных, сырых, арестан-тиков, пленных, бродяжих людей, не дает голодная, измученная родина моя пропасть и во-еннопленным, последний кусок им отдаст [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987–1997) // «Новый Мир», 1998].

Применительно к контекстам, выражающим эмоционально-оценочные смыслы, оценка может быть позитивной: Ведь государство – это еще не моя милая Родина [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)].

На чаще всего в собранном материале встречаются все же контексты негативной оценочности разного типа по отношению к Родине, с точки зрения говорящего: «Осмысленно жестокая родина» – и идеальное государство, отбраковавшее более 15 миллионов человек, – называется Славянский Союз... [Л. А. Данилкин. Клуб (2016)]; Сколько безжизненных или, в лучшем случае, едва населенных, бедных ресурсами (и в особенности Главным Ресурсом) миров, куда более скудных, чем суровая родина зшсс!.. [Юрий Нестеренко. Из жизни инопланетян. Завоеватели // «Наука и жизнь», 2006]; ... инженер попробовал себя в коммерции, одно, другое, наконец на пару с каким-то старым приятелем устремился за пределы неуютной родины и теперь владел солидным рестораном ни много, ни мало, а в Сочи [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003]; Не они, несчастные, изменили Родине, но расчетливая Родина изменила им и притом ТРИЖДЫ [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)]; Хотя значок «18+» сборник получил не за пресловутую «пропаганду нетрадиционных ценностей», каковую наша вороватая родина сможет, коли захочет, усмотреть даже в мультике про ёжика и медвежонка, а за матерную лексику некоторых текстов [Андрей Пермяков. Хорошая книга плохая книга хорошая книга плохая книга // «Волга», 2015].

Таким образом, анализ моделей атрибутивной сочетаемости выявил семантическое расширение слова Родины и обнаружил его существенный оценочный потенциал, главным образом негативный. Здесь надо отметить, что негативно оценивается говорящими не Родина вообще, а Родина, «неправильная» в каком-то смысле, «неправильно» себя ведущая, отклоняющаяся в какой-либо хронологический период или в каком-либо отношении от нормы, с точки зрения говорящего. Чаще всего речь идет не о малой родине, а о Родине как стране, государстве рождения.

Также широко представлены в собранном материале контексты нестандартной генитивной сочетаемости, которые, как правило, строятся по модели генитивной метафоры [Чернейко 1997]. Здесь мы тоже встречаемся с концептуально-метафорическими моделями одушевления неодушевленной сущности, стилистическим приемом олицетворения.

Во многих примерах лексема Родина входит в модели антропоморфной метафоры, уподобляющей Родину внешним признакам и внутренним свойствам человеческого существа. Ей, например, приписываются атрибуты человеческого тела: Выходит, мы в некоторой степени лицо Родины [Дмитрий Кувичка. Нет больше сил смотреть на солнце. Раскрыт секрет успеха отечественных «пляжников» // «Известия», 2001.09.30]; Таким уж был Лик Родины – прекрасным и ужасающим [Н. Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая (2006)]; Вот какая хорошая у нас столица Третий Рим, порт пяти морей и сердце Родины город Москва [Ольга Демьянова. Вот, например // «Столица», 1997.04.01]; Что он перестал быть производной коллективной междоусобицы. Что его отъяли от пуповины родины [Александр Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007]; Улыбаться даже себе велел... только как тут было улыбаться, когда вместо тайги он полдня уже обозревал родимые пятна милой родины [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].

Другая сторона антропоморфного представления Родины – приписывание ей:

– физических свойств человека: Эта дремучая, дремотная сила родины тянула его в детство, тянула в этот солдатский бушлат, в котором он чувствовал себя свободным и сильным... [А. А. Уткин. Крепость сомнения (2010)];

– ментальных состояний: Сейчас мы с благодарностью можем говорить о писателе как о великом заступнике России, как об осуществленной надежде Родины [Ю. С. Осипов. Слово о Солженицыне // «Вестник РАН», 2009];

– внутренних, психологических свойств и состояний, свойственных человеку – души, характера, инстинкта (последний присущ и другим видам живых существ): ... были просто русские люди, так называемые носители языка, они несли его сквозь отпущенные им годы и тяготы, успехи и завоевания не как крест, а как сокровищницу, как живую душу своей великой неудачливой родины, своего великого народа... [Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня (2003)]; В поисках приключений на свою непримечательную задницу подросток Крылов постигал характер новой северной родины, суть природного рифейства [О. А. Славникова. 2017 (2017)]; У Иванова – инстинкт родины; думаю, если б его высадили на льдине, он и там обнаружил бы замороженную в прозрачную глыбу многовековую историю и влюбился в нее [Л. А. Данилкин. Диагностика пармы (2016)].

Родине может быть также метафорически приписано свойство иметь дом: Хорошо, чтобы дом Родины, ее Пантеон, был полон личностей различных и интересных [Эдуард Лимоннов. У нас была Великая Эпоха (1987)].

Другая сторона метафоризации Родины в генитивных сочетаниях – натуралистическая метафора, метафора природы, явлений природы, природных сил: Захмелевший от весны, от воздуха родины (спиртного он не пил) и – в тысячу раз сильнее! [Владимир Тыцких. Через три войны // «Дальний Восток», 2019]; Винитар поднял ведро к лицу и то ли ответно поцеловал студеную воду родины, то ли отпил соленый глоток [Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)]; Но очень скоро молодая царица затосковала среди растрескавшихся от жары камней и песков Вавилона по траве и цветам своей родины [Татьяна Миткевич. Короли & капуста (2004) // «Homes & Gardens», 16.04.2004]; Песни-погудки, побаски и присказки, «богатство Древних песен... Звон частушек» и большое небо родины тоже достались поэту по наследству [Эльвира Кочеткова. Запомним: Павел Васильев // «Дальний Восток», 2019]

Слово Родина также входит в модель метафоры чувственного восприятия – может иметь цвет, запах и пр.: «Перенесите меня в Швейцарию, в Индию, в Бразилию, окружите какую хотите роскошной природой, накиньте на эту природу какое угодно прозрачное и синее небо, я все-таки везде найду милые мне серенькие тоны моей родины, потому что я всюду и всегда ношу их в моем сердце, потому что душа моя хранит их, как лучшее свое достояние», – так описал он свои ощущения словами одного из героев «Губернских очерков» [В. Г. Глушкова. Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль (2015)]; И только на шестом сердце Забелина екнуло – повеяло гниловатым запахом родины [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]; И на Перри задышала теплота его родины – скупой практический разум веры его отцов, понявшей тщету всего неземного [А. П. Платонов. Епифанские шлюзы (1927)].

Слово Родина может использоваться в модели так называемых параметрических метафор, т. е. конструкций, в которых ей приписываются какие-либо количественные параметры – размерность или порционность. Так, Родина может получать измерение вглубь: В институте учиться, в «полях» недра родины необъятной шупать-изучать, а по ночам от справочников, станков сверлильных-шлифовальных да от тиглей не отходить... [Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)]; Наверное, автор прав, и понятие «глубинка» происходит вовсе не оттого, что тот или иной населенный пункт находится в глубине нашей нескончаемой родины, но именно оттого, что каждая подобная точка на карте – не пятнышко краски на плоскости, но кружочек ряски, скрывающий под собой глубину водоема [С. И. Трунев. Провинциальная мифопоэтика // «Волга», 2011].

В других контекстах Родина, наподобие вещества, мыслится как нечто, делимое на части, на порции: В конце спектакля герои в буквальном смысле разберут «Россию» на части, и куски необъятной родины будут летать по сцене наравне с тортами [Анастасия Гулина. Из-

лишняя эклектика (2003) // «Богатей» (Саратов), 06.03.2003]; Кроме того, это будет частица малой Родины ребят, что-то очень близкое и родное, то, к чему их сердца не останутся равнодушными [Е. А. Нифантьева. Организация комплексного исследования природного объекта учащимися (2003) // «Биология», 01.07.2003]; Смылся, унес на подошвах сапог немалый кусок любимой родины – расслабься и получай удовольствие [Леонид Радзиховский. Горе от ума, или Колокол Березовского (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 04.08.2003]; И это тихое утро в лесу стало для нас еще одним открытием любви к самой малой крупинке Родины и своей ответственности за ее судьбу [Борис Неменский. Живая память // «Родина», 2008].

Также в материале, по аналогии с моделями атрибутивной сочетаемости, были выявлены контексты, в которых актуализуется оценочный потенциал концепта РОДИНА. В следующих примерах реализуются позитивно-оценочные употребления генитивных сочетаний со словом Родина: Они ездили к теплым морям или заснеженным горным вершинам, в стройотряды и экспедиции в И, кроме того, я завидовал Джону, что он мог показать мне чудеса своей родины не в тесных вонючих клетках зоопарка, а в этом солнечном просторном естестве [Д. А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)]; Отток капитала – важный показатель привлекательности родины – по некоторым оценкам, сократился в 2002 году до 4 млрд долл. [Галина Коренева. ВВП о ВВП // «Газета», 2003]; Однако именно эти люди своим нелегким трудом сохраняют и возрождают для нас историю и красоту нашей Родины [Григорий Грешневиков. Как выпрямляются колокольни (2003) // «Наш современник», 15.06.2003].

Широко представлены и негативно-оценочные употребления: Более того, покинув Германию, он признался в одном из писем, что «не без грусти расстался с этим гнилым Западом, таким чистым и полным удобств, чтобы вернуться в эту многообещающую в будущем грязь милой родины» [Николай Журавлев. Поэт и вертикаль. Суета вокруг юбилея (2003) // «Вестник США», 17.09.2003]; В этих балах была безнадежность проигранной, утраченной родины, где теперь поднималась новая, дикая и необузданная власть... [Кира Сурикова. Ира – дура (2003)]; ...а на состарившихся дачных улицах большими стали Колюня со друзьями, которые убожества малой родины еще не видели, но отныне владели всеми ее богатствами [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].

В целом новые явления в атрибутивной и генитивной сочетаемости лексемы Родина демонстрируют существенное обогащение смысла и значительное развитие оценочного потенциала для слова Родина, что свидетельствует о повышенной культурной значимости концепта РОДИНА в речевых практиках носителей русского языка.

Библиографический список

1. Воробьев, В. В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультурологии [Текст] / В. В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур: юбилейный сборник. – М. : РУДН, 2000. – С. 83–92.
2. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Искусство, 1989. – 368 с.
3. Гимаев, Я. А. Актуализация концепта РОДИНА в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Я. А. Гимаев; МГОУ. – М., 2010. – 188 с.
4. Мажарина, Ю. Н. Образ Родины в публицистике и мемуаристике Б. Зайцева [Текст] / Ю. Н. Мажарина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 1. – С. 154–157.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.
6. [«Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» (2004) // «Жизнь национальностей», 16.06.2004].
7. Щукин, А. Л. Методика преподавания русского языка как иностранного [Текст] / А. Л. Щукин. – М. : Высшая школа, 2003. – 334 с.